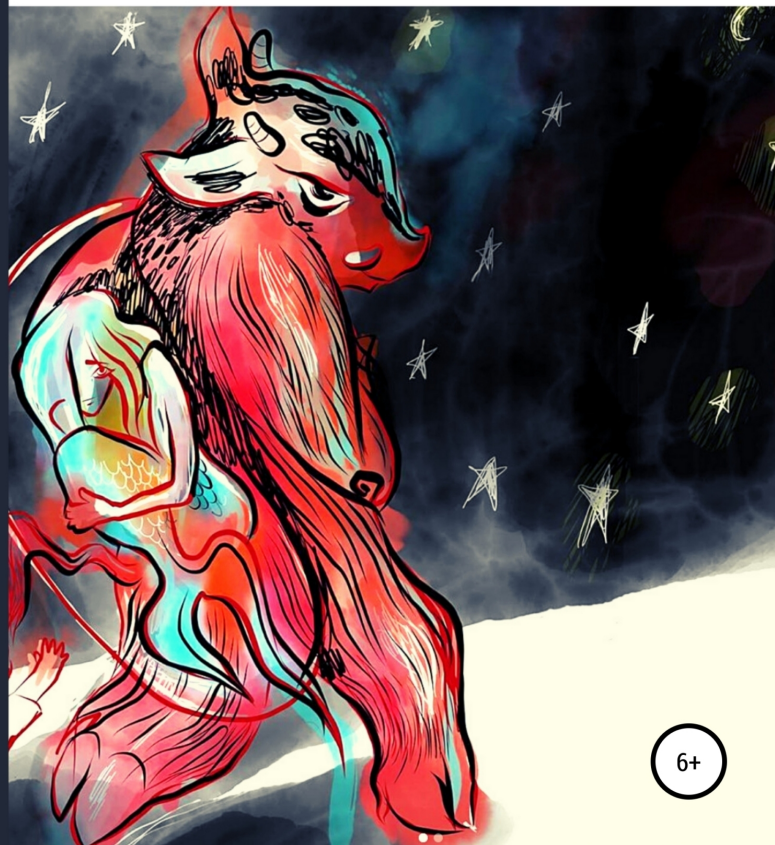


АЛИСА СОКОЛОВА

ЧЁРТ КУЛЯШ И ВЬЮЖКИНА МУЗЫКА



6+

Алиса Соколова
Чёрт Куляш и
Вьюжкина музыка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63596251

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ познакомит читателя с героями деревни Лягушкино, что раскинулась на берегу реки рядом с красивой самшитовой рощей. Здесь живут речные черти, плещут хвостами русалки, а под самый Новый год выходит на проделки мокроносовая вьюга. Рассказ рекомендуется детям от 6 лет.

Алиса Соколова

Чёрт Куляш и Вьюжина музыка

Никогда в Лягушкино не было столько снега! Дома застыли как на картинке, укрылись в белоснежные сугробы. Деревья-самшиты с трудом стряхивали серебро на махровые ветки. Тегнулись под тяжестью и скрипели морозным эхом. Ещё вчера по роще весело швыркались кабанчики, а сегодня они медленно бороздят сугробы, что-то побрякивая себе под нос. Скоро и бирюзовая река схватится морозом, засеребрится льдом, спрятав в своей глубине огромный мир.

Всего один день – и придёт новый год. Будет подрастать с Лягушкинскими мальчишками и дёргать бабулей за чудные причёски.

Но пока по роще носилась мокроносовая вьюга. Солнце светило на её холодной шали, и она сверкала в морозном воздухе, поглаживая бирюзовые волны на причудливых поворотах реки. Играла свою дивную музыку. А когда солнце повалилось к закату, вьюга решила: «Пора!», и полетела на деревню.

Дым над соломенными крышами волновался, косил вверх и хмарился, раскрашивая снежные тучи. Бабули скрипели свежеснеженным снегом, бегая по тропинкам. Торопились.

Вот, надо спрятать подарки, вот, надо засунуть пряники под пуховые подушки. И надо ещё пригладить взъерошенные чёлки на мальчишеских головах, не забыть. Только после всех этих важных дел бабули спешно закрывали дома на засовы, и окна в ожидании морозных узоров погружались в темноту.

Там и тут звенели глухие голоса щеколд, тут и там трещали стёкла – выдержат ли лягушкинские дома-крепости последнюю в этом году ночь? Не сдадутся ли бойкой вьюге? И только-только прощальный морозный луч скрылся за горизонтом, облизав узорчатые окна, только-только деревня погрузилась в ночную тишину, как вьюга заиграла музыку, прыгая по тропинкам меж Лягушкинских домов.

Только раз, под самый Новый год, деревенские бабули позволяют вьюге злыдничать: кидать в окна снежки, хлопать калитками и сдувать с крыш сухое сено. Потому-то и торопились бабули запереть дома на все засовы, потому-то и прятались в темноту.

Но сегодня злыдничать решила не только вьюга. За тяжёлыми ветками самшитов, прямо в реке, проклюнулись сквозь бирюзовую волну красные рога. А затем вылезла и вся голова – косматая, коричневая – повертела по сторонам, хитро прищуриваясь, и прыгнула на мягкий снег своими копытами.

Много лет вьюга играла над замёрзшей рекой дивную музыку перед тем, как пойти на свои маленькие злыдни. Много

лет речной чёрт Куляш дивился этой музыке и хотел выманить у вьюги её секретик, забрать себе музыку прямо на илистое дно. Сегодня Куляш не стерпел. Не принято у речных чертей по снегам бегать, да и бабули Лягушкинские, если чёрта заметят, сразу его будут журить. Но музыка была так хороша, так манила его, что он нарушил собственное правило, выпрыгнул на берег и побежал, сбивая рогами сугробы с самшитовых веток.

Осмотрев деревню издалека, чёрт сразу приметил вьюгу: вон она, притаилась у дома на окраине. Ударил Куляш по нему кулачищем, пырнул крышу. Затряслись стены, а сама крыша и вовсе поехала вбок, во все стороны сбрасывая сено. А вьюге стало интересно, кто тут ещё решил злыдни вершить. Подхватила она сено, завертела в копёночку и кинула в соседний дом:

– Вот как я умею!

– А я вот как я умею! Смотри! – Куляш дёрнул полено из дровенницы и швырнул его через всю деревню, – Ты, наверное, вьюжка?

Бревно просвистело над деревней, разрывая морозный воздух, и разбило трубу на высоком, похожем на башню, доме. Дым тут же взмыл в небо, разбрасывая клубья, а вьюга, хихикнув, подхватила бревно и метнула его дальше:

– Это я, вьюга. А ты кто?

– А я Куляш! Ха-ха-ха! – Заскрипели стены деревенских домов от чёртового смеха, загорелся внутри свет, забежали

по дощатому полу бабули в чудных причёсках.

Даже вьюга испугалась Куляшиной силы и поползла к тропинке, кидая осторожные узоры в Лягушкинские окна. Но любопытство взяло верх, и вьюга всё же решила подружиться с речным чёртом. Кинула она в ноги Куляшу круглый ровный снежный комок и тихонько прозвенела музыкой. Зазывала чёрта поиграть.

– Что это? Что это? А, вьюжка? Что это?

– Наперегонки! Кто быстрее все дома закидает! – вьюга весело подхватила из сугроба мягкий снег и на лету состряпала из него десяток комков.

Куляш летел за ней след в след, хватал снег на щёки, лепил крепкие снежки огромными лапами. Копыта топтали завалинки и сносили заборы в такт дивной вьюжьей музыке.

Окна по всей деревне трещали до самого утра. На тех, в которые попала вьюга, появлялись красивые резные узоры. А те, в которые метил Куляш, трескались и бились. Только оббежав деревню на дважды три раза, закидав снегом всё до последнего окна, Куляш и вьюга присели под пушистым самшитом, который рос тут отшельником почти пятьсот лет.

– Жалко, жалко, вьюжка, что в деревне всего двадцать домов, – Куляшове щёки покрылись ледышками, словно снег, растаявший на пушистых варежках.

Вьюга резвилась в ветвях дерева и играла ему в ответ дивную музыку.

– Красиво. Вот если бы русалка моя слышала, как ты по-

ёшь!

– А я русалок никогда не видела! Говорят, их черти прямо в иле держат, наружу не пускают!

– Врут! Моя-то русалка сама на берег не просится. Как её своровал, так и сидит – хвостом только хлопает. Дай мне свою музыку, выюжка! Дай, дай! Я её в реку выпущу, вот и русалке радость! Будет и у меня твой секретик!

– Так ты чёрт речной что ли? А если не дам я тебе музыку?

– Тогда тебя тоже в ил запрю, как русалку-трусалку, вот и будешь сидеть там, носа в деревню не покажешь! И всё равно секретик у тебя выманю!

Вьюга задумалась, потрясла ветками. А у Куляша от волнения даже рога огнём запылали. Вздохнула тогда вьюга и, покружившись вокруг косматого чёрта, прошептала что-то и бросила ему в руки прозрачный шар. Внутри крутился ветер, разбрасывая серебряные снежинки. Куляш потряс шар, и услышал музыку.

– Секретик! Красиво как, красиво! Вот это секретик! А как работает, как работает Говори, говори, выюжка! – чёрт даже хвостом затряс, а от любопытства глаза его налились жёлтым.

– А ты на реку шар кинь, вот и будет тебе музыка!

Захотел Куляш и скорее побежал домой, торжественно подняв перед собой свой секретик на огромной ладони. А вьюга зевнула ему вслед и поползла обратно под свой дом на окраине Лягушкино.

Прозрачный шар прозвенел дважды три секунды, коснувшись бирюзовых волн, и река застыла серебряным стеклом на глазах Куляша. Чёртовы рога тут же раскраснелись злобой. Затопал Куляш по реке, заковырял копытами, но лёд не сдался. Тогда чёрт припустил к роще и прямо с корнями вырвал большое дерево. Огромные лапы небрежно тащили самшитовую крону на реку, соскребая снег до самой земли. Куляш изо всех сил бил по поверхности, пока дерево не распалось на щепки. Лёд так и не треснул. Тогда речной чёрт закричал, задёргал волосы на щеках. А лёд устроил ему новую злыдню: уронил Куляша, больно ушибив ему бок. И мутузил чёрт в ответ застывшую реку своими кулачищами, проклиная выюгу.

Но река и в этот раз не дрогнула, не сжалилась. Только заискрилась бирюзой от первых лучей солнца и прошептала Куляшу сквозь толстую стеклянную корку: «Если лёд до заката не тронется, отправишься ко всем чертям за ворота».

Вспомнил вдруг Куляш, как другие черти, провозжая его в Лягушкино, остерегали от местных проклятий. Да что там! Все эти наговоры каждому чертёнку известны – с детства старые чертихи пугали маленьких чертей сказаниями о деревенских бабулях, их острых вилах и наговорах. Пугали, что за воротами Куляш никогда не вырастет, так и останется мальчишкой. Но ничего с собой чёрт поделывать не мог: только увидел он в роще золотистую косу, сразу шагнул за ворота и поселился в реке у Лягушкино. Русалку ту с золотой косой

своровал, в ил как учили засунул и жил припеваючи, исподтишка только по лесу злыдничал.

Припомнил Куляш и слова мамы-чертихи:

– Человек – не русалка! Утащи деву человеческую в реку, вся деревня взбаламутится.

Вздыхнул теперь Куляш и понял, что специально всё подстроила мокроносовая вьюга. И с мстостью на рогах понёсся чёрт обратно в деревню.

А что же русалка? А русалки Лягушкинские – вид особый. Их хоть в ил, хоть в лёд, хоть в деревню – сидят себе, хвостами трясут и горя не знают.

Летел Куляш на Лягушкино, пуская из раскалённых рогов рьяный огонь. Не добежал и до главной тропинки, а горела уже вся деревня от роши до укрытых белой шалью полей. Сено на домах полыхало; сероватые облака клубились по земле и взмывали к утреннему солнцу. В дыму то и дело мелькали чудные бабулины причёски и выхрастые мальчишеские головы. Спокойно было только у дома на окраине. Того, под которым теперь засыпала вьюга.

Разъярённый Куляш огромными кострами на косматой голове, знал, где вьюга припряталась:

– Это твой, твой шар всё! Он реку заморозил, никчёмная вьюжка! Вылезай, вылезай! – речной чёрт шипел на завалинку, целился в неё, но пламя отскакивало от пушистых брёвен. – Ты человек, вьюжка, да? Да, да?

На крик вьюга вылетела из-под дома, нахохлилась и дуну-

ла что было силы. Сдуло Куляша в сугроб, а дым застыл и разбился, полетев мелким снегом на пепелище деревни Лягушкино. Дома теперь торчали словно тлеющие головешки. И хотя, кое-где ещё держались крыши, мальчишкам было совершенно ясно: новогодних подарков никому не достанется.

Куляш решил затаиться, дожждаться, пока деревенские своими делами займутся, и спрятался в сугроб. Только самые кончики рогов остались торчать да жёлтые глаза подглядывали сквозь снег с хитрым прищуром.

Деревенские бабули на всякий случай достали погорелые вилы, а мальчишки, почесав вихрастые головы, решили разобраться:

– Неужели это выюга принесла нам огонь?

– Вон она, там! На краю деревни снег заметает!

И налепили мальчишки снежков, а ещё волосы взъерошили для страшного вида. Перешёптались вихрастые головы между собой и дружной толпой ринулись на выюгу.

– Эй, выюга! Ты что ли деревню нашу сожгла?

– Не я! – Хотела было выюга на Куляша указать, но не разглядела чёрта в сугробе.

А Куляш даже подхихикнул – так он удачно спрятался.

– А кто тогда? А?

Не успела выюга ответить, как со всех сторон полетели крепкие снежки. Мальчишки окружили её, и никак бедная выюга не могла увернуться от метких ударов. Сугробы под проворными мальчишескими руками исчезали один за дру-

гим, пока от самой вьюги не осталась лишь белая тень. Только тогда мальчишки угомонились, праздную победу, а вьюга забила под свой дом и тихонько заплакала оттуда дивной музыкой.

Тут один мальчишка, самый зоркий и проворный, заметил в сугробе чьи-то рога. Да и сам сугроб был похож на голову, из которой в разные стороны торчит шерсть.

– Айда! Кто-то там торчит! – и все ринулись посмотреть.

Только-только приблизились мальчишки к сугробу, как Куляшове рога запылали красным. Чёрт ждал, когда толпа к нему сама придёт, и только хитрые глаза пересчитали двадцать мальчишек – по одному на каждый дом – сразу выпрыгнул наружу, громко хохоча!

Хотели мальчишки налепить снежков и закидать Куляша, но он затопал своими копытами, защёлкал пальцами:

– Не бей чёрта, не бей чёрта! Никакой мальчишка Куляша не ударит! Стой на месте, говорю-говорю! Стой!

И встали мальчишки как вкопанные.

– Ха-ха-ха-ха! Сработало, сработало! Поделом вам, маленькие командирчики! – Кричал речной чёрт, растрёпывая вихрастые головы, – Ха-ха-ха-ха-ха!

Теперь Куляш хотел достать вьюгу, чтобы та разморозила реку и музыки по-настоящему дала:

– Вьюжка, а, вьюжка! Вылезай! Рассказывай секретик, рассказывай! И реку разморозь мне!

Но вьюжка молчала, затаив в себе всю музыку. И даже слё-

зы утёрла – так не хотелось ей с чёртом дело иметь.

Уже наполовину залез Куляш под дом, только копыта ба-рахтались снаружи, и тут на помощь мальчишкам допле-лись бабули. Они выставили вилы перед собой, словно самое грозное оружие, а одна из них, та, у которой причёска бы-ла чуднее всех прочих, уколола Куляша под коленку. От та-кой неприятности чёрт даже головой ударился. Разозлился он снова и пулей выскочил обратно.

Оглядел Куляш бабулей, похохотал над причёсками, на-поровшись боками на вилы, и снова пальцами защёлкал:

– Опустите эти штуки! Опустите штуки! – Но бабули в ответ лишь поплотнее смыкали кольцо вокруг речного чёр-та. – Я вам сейчас как, я вам как!

Куляш собрался снова опалить всех огнём, но рога боль-ше не полыхали, словно это бабули что-то сделали. И верно: морщинистые губы под чудными причёсками дружно шеп-тали заговор, который любому чертёнку с детства известен. С тем и погнали бабули Куляша к реке.

Некуда чёрту было не деться: пару раз пытался он выпрыг-нуть, но попадал своей шкурой на острые вилы; пару раз щёлкал пальцами – снова не сработало. Шёл Куляш к реке понуро, лишь изредка цепляя огромными лапами за ветки самшитов. А когда бабули к его реке привели, совсем заты-кали своими вилами косматую шкурку:

– Залезай чертяка в реку и наружу не ходи. Пока берег не прольётся, душу нам не береди!

Куляш успевал только пятиться по бирюзовому льду, стараясь не поскользнуться. А бабули подошли к реке дружным строем, пробурчали ей что-то, вилами потыкали – и лёд как по волшебству весь кончился!

Вот и русалка Куляшова из ила оттаяла: высунула голову наружу, косой тряхнула и давай шипеть на бабулей:

– За мной что ли пришли? А вот и нечего! Не пойду я обратно к вам. Восвояси уходите! Прочь, в деревню! Брысь! Кыш! Вон!

Переглянулись бабули на русалкино шипение, плечами пожали, вилы опустили и ушли, приговаривая, что сама она, мол, из реки выйдет, стоит только ей состариться. А над рекой вдруг заиграла знакомая музыка.

Так и пришёл Новый год в Лягушкино. Собрались в этот раз всей деревней, ни один мальчишка не спрятался в стенах – все дружно прискакали к старому самшиту, нарядили его узорами из разбитых окон. Водили хороводы мальчишки, покручивая своими косматыми головами в поисках сладостей. А бабули развели огонь, чтобы всем было тепло – костёр вышел огромный, но послушный. Никого не жёг, зато вился выше самого самшита. Никогда ещё в Лягушкино не было столько снега. Но на любой снегопад бабули всегда найдут костёр побольше.

Так и праздновало Лягушкино Новый год: бабули в чудных причёсках и грелись у огня, приглаживая вихрастые головы мальчишек. А те то и дело клянчили пряники, которые

на всякий случай ещё с прошлого года бабули в своих передниках.

Только мокроносовая выюга зацепилась хвостом за пламя костра и растаяла от жара, напоследок что-то прошептав над деревней.